

Это подиум,
ДЕТКА!

**МАША
ЦАРЕВА**

...МОСКВА – КАК ЗАРАЗНАЯ
БОЛЕЗНЬ. ПОЖИВЕШЬ ТУТ
ПАРУ МЕСЯЦЕВ – И ВИРУС
В КРОВИ, ЭТО НЕИЗЛЕЧИМО.
КУДА ЖЕ ТЕПЕРЬ БЕЗ ВСЕГО
ЭТОГО – ШИРОКИХ УЛИЦ,
РАВНОДУШНЫХ ПЕРЕПУД-
РЕННЫХ ЛИЦ, ПРОПИТАННЫХ
ПОТОМ И ДЫМКОМ
МЕНТОЛОВЫХ СИГАРЕТ
КАСТИНГОВ, ШУЛЕРСКОГО
ДУХА ЛОТЕРЕЙ...

...ВЗРОСЛАЯ ДАМА, ХВАТКОЙ
ПИТБУЛЯ ВЦЕПИВШАЯСЯ В
УТЕКАЮЩУЮ СКВОЗЬ ПАЛЬЦЫ
МОЛОДОСТЬ. ЕЙ БЫЛА ИЗВЕСТНА
БЕСПРОИГРЫШНАЯ ФОРМУЛА
КРАСОТЫ: СЕКС + ЛЮКС + БОТОКС...

...Я – БУТАФОРСКАЯ СТЮАРДЕССА,
ОДНОРАЗОВАЯ. СОПРОВОЖДАЮ
«МАЛЬЧИШНИК» В РЕЙСЕ
«МОСКВА - НИЦЦА»...

Маша Царева

**Это подиум, детка! Сага
о московских куколках**

«ЭКСМО»

Царева М.

Это подиум, детка! Сага о московских куколках / М. Царева — «Эксмо»,

Современные золушки сидят на обезжиренном кефире, латают чулки, припадают напудренными носиками к бодрящим кокаиновым дорожкам, карабкаются, царапаются, иногда подставляют друг друга и от безнадёги приторговывают собой. С их репутацией рассчитывать на сказочного принца не приходится. Алена Соболева за несколько лет проходит путь от провинциальной королевы красоты до одной из самых высокооплачиваемых московских куколок. Ведь в большом городе море соблазнов – модные вечеринки, шальные деньги, пьянящее ощущение вседозволенности, влиятельные «вип выпычи», в руках которых сосредоточен весь мир, и, возможно, они позволят отщипнуть хоть один крошечный кусочек...

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Царева Маша

Это подиум, детка! Сага

о московских куколках

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Гадкий утенок – вот кем она была.

Ей было всего лет десять-одиннадцать, когда стало понятно, что прекрасная принцесса никогда не вылупится из этого долговязого существа с острыми коленками, рыжими ресницами и крупными передними зубами. Уже тогда она была выше сверстников на полторы головы. А через несколько лет, к десятому классу, ее рост и вовсе зашкалил за допустимый женственностью предел и замер на отметке 185.

Она была тихой, забитой. Сидела на последней парте. Послушно давала списывать первым красавицам в надежде на то, что ей швырнут хотя бы объедки девичьей дружбы, и не обижалась, ничего не получая взамен.

Уродина.

Волосы жесткой проволокой торчали во все стороны. Шея бледная, длинная. Крупные бурые веснушки – как будто по ее лицу кто-то рассыпал порченный горох.

Ее возможное счастье было соткано из сотни досадных «если бы». Ах, если бы она была баскетболисткой, чемпионкой – тогда никто бы не посмел выдразнивать ее отмеченные медалями и кубками габариты! Но она была неловкой, медлительной, неповоротливой – на радость окружающим, сшибала углы и путалась в собственных конечностях. Ах, если бы она жила в Москве – говорят, высокий рост там ценится как элемент породистости! Но нет – она родилась в небольшом сибирском городке N, где ей свистели вслед, а она делала вид, что не обижается.

Ее самосознание было огранено вечными насмешками, полным мужским игнором, неприятным заспинным шепотком и обидными прозвищами, которыми награждали ее одноклассники. Коломенская верста, клоун, тетя-достань-воробушка, пожарная каланча, годзилла...

И кто бы мог предположить, что однажды эта коломенская верста, страшилище № 1, нелюдима бука, клоунски рыжее недоразумение природы станет признанной красавицей, подчинившей полмира своему капризному эго? Кто бы мог вообразить, что этой дылде будут принадлежать лучшие брильянты Tiffany и лучшие пенисы Манхэттена?!

Вот уж правда – неисповедимы подлунные пути...

Шестнадцатилетняя Алена Соболева и предположить не могла, какую роль сыграет в ее жизни тот душный июльский день. Ничего особенного в нем не было – понедельник как понедельник. То было ее последнее длинное лето. Впереди – десятый школьный год, после которого предстояло впрячься в лихорадочную взрослость – выпускные экзамены и вступительные, сессии, лекции, хронический недосып и нервный гастрит, работа, в лучшем случае обрамленное первой любовью замужество, подгузники, корь, ветрянка, взятки, чтобы отпрыска в лучшую школу приняли...

Все это было, с одной стороны, неизбежным, с другой – призрачно-далеким: так в разгар душевного лета не хочется верить в бесцеремонно щипающие за нос крещенские морозы. А пока она была всего лишь долговязой девицей в немодном ситцевом халате и инфантильных белых носках под заношенными сандалиями. Она шла бок о бок со своей лучшей подружкой Галиной, лениво ела эскимо и пыталась поддержать разговор о любви. Опыта в делах любовных у Алены

почти не имелось (не считая нелепого скучного соития со случайным мужчиной, о котором она никогда никому не рассказывала), так что ее участие в диалоге сводилось к репликам вроде «Да ну?», «Ну да!» или экспрессивному «Ничего себе!»

Галине тоже было шестнадцать лет, и ей нравилось выглядеть прожженной и опытной по сравнению с никчемной подругой. Она только что вернулась с дачи и теперь вдохновенно рассказывала о Коляне и Петяне, которые приходили в ее детский шалаш, построенный из веток и полиэтиленовой пленки, и там доводили ее до состояния, которое сама Галя описывала так:

– Ты не представляешь, что это, у меня дрожали колени, и я себе все губы искусала! До крови!

Алена внимала с недоверчивым восхищением. Где-то в глубине ее существа медлительной медузой пошевеливалось что-то, похожее на зависть, но она решительно давила зародыш мерзкого чувства. Какой смысл завидовать? Совсем неудивительно, что Галина в ее шестнадцать лет уже испытала оргазм, ведь она – принцесса.

По закону жанра ее лучшая подружка Галина была слеплена из иных человеческих материалов. На ее производство небесная фабрика пустила строительные ресурсы limited edition – плавные изгибистые линии, тонкие черты, бархатные брови, шелковые волосы... Ее кровь – сложносочиненный коктейль, этакий генетический лонг-дринк, в котором отметились круглолицый славянский отец, плавная восточная красавица мама и бабушка с невнятными татарскими корнями. В результате этого микса Галине досталась нездешняя, душераздирающая красота.

Их дружба была родом из детства – в законах малышейового товарищества красоте не отводится решающей роли.

Галочка была истинной звездой – занималась фигурным катанием и бальными танцами, умела кататься на лошади верхом и превосходно пела. Она мечтала рано или поздно вытеснить эту звездность за рамки микрорайонного масштаба.

Именно она и обратила внимание на криво прилипавшее к фонарному столбу объявление. Алена сначала и не поняла, что привлекло ее внимание. На полуслове прервав рассказ о том, как Колян узнал о том, что в шалаше бывает не только он, но и Петяня, и пригрозил повеситься, Галя остановилась.

– Что случилось? – машинально сделавшая несколько шагов вперед, Алена тоже замерла. В их дружбе верховодила Галина, Алене отводилась роль восхищенного пажа.

– «Мэрия N-ска и международное модельное агентство Podium Addict приглашают девушек (возраст 15—25, размер до 46, рост не ниже 165) на конкурс красоты „Мисс N-ск“. Отбор проходит в ДК по понедельникам с 19.00, при себе иметь купальник», – вслух прочитала Галя.

Распечатанное на принтере объявление украшала фотография дурного качества – на ней поделенная на сотни черно-белых точек большегрудая блондинка в бальном платье и короне ослепительно улыбалась в объектив.

– И что? – удивилась Алена. – Нам-то что с этого? Ты хочешь достать билеты на конкурс?

– Дурочка, – сузила синющие глаза Галя, – ну при чем тут билеты? Может быть, этот конкурс – наш счастливый билет! А что, мы обе подходим. И по возрасту, и по росту, и по размеру. Может быть, стоит рискнуть? Сегодня понедельник как раз. Чем мы хуже этой? – Тонкий смуглый пальчик уперся в невнятную фотографическую блондинку.

Алена равнодушно пожала плечами. Она понимала, что «нам» было сказано из вежливости, на самом же деле Галя пытается примерить к королевскому титулу только свою собственную судьбу. Ей не было обидно. Если в тринадцать лет при очередном чьем-нибудь восклицании: «Ну и дылда!» ее захлестывала черная волна осознания мировой несправедливости, то сейчас, в шестнадцать, она внутренне была взрослее сверстниц и твердо верила – физической

красотой счастье не ограничивается. Она поступит в институт, станет великолепным педагогом, и жизнь ее закрутится не хуже, чем у остальных.

А Галина уже нетерпеливо подпрыгивала на месте:

– У нас как раз есть время, чтобы забежать домой за купальниками! Решай – ты со мной или нет?

Алена пожала плечами. В тот пластилиновый жаркий вечер у нее все равно не нашлось бы дел интереснее. И она равнодушно ответила: «С тобой».

– Следующая! Следующая!... Девушка, а вы никогда не пробовали ноги брить?... Следующая!... Так, а это что за Шрек в юбке? Вы бы сначала липосакцию подбородка сделали, что ли. Или просто ели бы поменьше сливочного масла! Следующая! – орала в мегафон тощая девица, чье лошадиное лицо было изрыто безжалостными минами оспин и залеченных угрей.

Она стояла перед поскрипывающей от старости сценой местного ДК, а из-за кулис выходили все новые претендентки на гордое звание «Мисс N-ск». Выходили – и с трепещущим сердцем останавливались в желтом круге прожектора, ожидая, когда распорядительница назовет их жирными, коротконогими, неповоротливыми или с кривоватой ухмылкой циника вытащит на свет некую неприятную интимную деталь вроде плохо подбритых подмышек или золотой коронки, сверкнувшей в глубине заискивающе улыбающегося рта. Предстоящий конкурс две недели рекламировался по местному телевидению, так что бороться за статус первой красавицы пришла, казалось, вся женская часть города. Некоторые самонадеянные интриганки проигнорировали указанные параметры возраста и роста – может быть, искренне верили, что они выглядят моложе и выше, а может быть, им казалось, что перед «перчинкой» их образа не устоит ни одно жюри. И вот теперь их в пух и прах разносила лошадиная девушка с мегафоном.

– Женщина, вы куда пришли – рекламировать крем от глубоких мимических морщин? Следующая!... А вы – боюсь, вы немного перепутали, кастинг цирка лилипутов проходит в другом месте!... Следующая!

Алена и Галочка уныло переглянулись – выходить на сцену почему-то расхотелось. На обеих были купальники. На Галине – новенький, красный, с переливающимися стразами и золотой брошью в виде стрекозы на лифе. Загорелая дочерна, складненькая, в лаковых туфлях на десятисантиметровых каблуках и золотой цепочкой вокруг осиной талии – она была похожа не то на любимую наложницу арабского шейха, не то на обманчиво скромную девушку с обложки Playboy (да, она в купальнике и наивно улыбается, но мы-то знаем, что в глубине журнала запрятан *topless-разворот!*). На Алене – старенький, дачный, выцветший. И сама она тоже какая-то выцветшая – как и большинство урожденных рыжих, она не переносила солнечных лучей. На солнце ее бледная тонкая кожа мигом превращалась в кровоточащий волдырь. Длинные волосы она небрежно раскидала по плечам – скорее не для того, чтобы продемонстрировать их здоровую шелковую красоту, а для того, чтобы хоть как-то закамуфлировать костлявую спину. Каблуков у нее не было и в помине, и ступни сорок первого с половиной размера красовались все в тех же растоптанных коричневых сандалиях. Алена представляла, что скажет по ее поводу злобная лошадь с мегафоном, и слезы заранее наворачивались на глаза.

– Галь, может, ну его, – прошептала она, – ты иди, а мне-то куда...

– Ты что?! – зашипела Галина. – Бросишь меня тут одну? И какая ты после этого подруга?

– Ну я могу и в зале подождать...

– Нет уж, раз решились, надо идти до конца! – твердо возразила Галина. – И что нам эта лошадь? Да она сама в зеркало хоть раз в жизни смотрелась?

В их разговор вмешалась сливочная пампушка в оборчатой мини-юбке и кудельках, как у победительницы конкурса-смотра декоративных пуделей.

– Лошадь зовут Зоей, – доверительно сообщила она, – она сама из неудавшихся манекенщиц. Три года назад уехала покорять Москву, но ее оттуда быстро выперли. Вот теперь срывает злость на нас. Она будет балетмейстером конкурса, и первый отбор доверили ей.

– Первый? – ужаснулась Галина. – Значит, будут еще?

– Да, но первый – самый важный, – улыбнулась девушка-пудель, – главное прорваться через эту мегеру Зою. А дальше будут смотреть москвичи – какая-то фифа из модельного агентства и знаменитый фотограф. Уж у них-то нет никаких счетов к чужой красоте. Отбирать будут по-честному.

Алена подумала, что девушке-пуделю на «честном» отборе ловить уж точно нечего – приятно упитанная, фарфорово-гладкая, с красивым розовым румянцем и упругими тугими складочками, она могла бы стать ведущей кулинарного шоу или выразительной своей плотью позировать маститым художникам. Но не моделью, не королевой красоты.

Тем временем подошла очередь Галины, которая перед выходом на сцену слегка побледнела под загаром и обморочно пошатнулась на высоких каблуках. Алена прошипела ей в спину: «Ни пуха ни пера!», но Галочка ничего не ответила – заученно покачивая бедрами, она плавно двинулась на сцену.

– Так, покрутитесь! – скомандовала лошадиная Зоя. – А что, неплохо! Какой у вас рост?

– Метр семьдесят два, – срывающимся голосом проблеяла Галочка. И куда подевались ее уверенность и прыть?

– Маловато, – процедила «лошадь», – а впрочем... Ладно, девушек международного стандарта тут все равно нет. Так что, может быть, у вас и получится. Возьмите у администратора анкету и приходите послезавтра на репетицию!

Из-за сцены Алена услышала радостный визг подружки. И тут же раздался требовательный приказ: «Следующая!»

Шла прямо, словно аршин проглотила. Без улыбки, как холодная Снегурочка. Под внутренний счет неловко переставляла ноги. Остановившись в свете прожектора, зачем-то положила руки на пояс – как малышка на детсадовском утреннике. Кто-то в зале глумливо хохотнул. Кто-то свистнул с заднего ряда. Пульсирующий румянец горячими волнами бился в ее щеки изнутри. Опустила глаза – взгляд уткнулся в сандалии, которые в безжалостном свете прожектора казались совсем раритетными. Из обтрепанных ремешков торчали нитки, на косточках у больших пальцев кожа слегка протерлась и побледнела. Сандалии ей купили в мужском отделе универмага. Достать изящную обувь ее размера практически не представлялось возможным.

Мысли о туфлях стали ее психологическим спасательным кругом. Почти обнаженная, робко ссутулившаяся, красная от стыда, Алена Соболева стояла на сцене и упорно думала о туфлях. Лишь бы не поднимать глаза и не видеть ухмыляющуюся физиономию Зои.

– И откуда только такое чудо к нам пожаловало? – наконец раздался резкий Зоин приговор. – Возраст, рост!

– Шестнадцать лет, метр восемьдесят пять, – прошелестела Алена, – мне можно идти?

– Куда это ты собралась? И почему так сутулишься? Распрямиться можешь или хронический сколиоз?

Заторможенно, как на медленной перемотке, Алена подняла подбородок, кое-как расправила плечи и выпятила вперед почти непроглядывающиеся холмики неразвитой груди.

– Другое дело, – подбодрила ее Зоя, – а почему такое постное лицо? У тебя зубов нету, что ли?

– Почему нет зубов? – удивилась она.

– Тогда улыбнись, покажи!.. А что, даже почти белые. Конечно, красавицей тебя не назовешь. Но такие дылды хорошо смотрятся со сцены. Так что для кучи подойдешь. Получи анкету у администратора.

– Вот здорово, что нас приняли! – трещала Галочка, когда они возвращались домой. – Это просто невероятно!... Почему ты такая отмороженная?! Как будто бы знала заранее, что так будет. Признайся, что ты и надеяться не могла! Даже надеяться!

Алена плелась за ней, машинально передвигая ноги, и ей все казалось, что она спит. Нервического энтузиазма Галины она разделить не могла, поскольку никогда о возможностях такого рода не мечтала. Не мечтала плавно ходить под лучами софитов, и чтобы все обсуждали твои достоинства, как будто бы ты ярмарочная корова, а не человек со средним образованием. Не мечтала носить эксклюзивные вещи и получать за это солидные гонорары. Не мечтала улыбаться по команде, позировать, красоваться. Все это была не ее стихия. Ее словно с кем-то перепутали, как в комедии с переодеваниями. И вот теперь Алена не могла понять, что ей делать с новой ролью, свалившейся как снег на голову.

– Не надеялась, – послушно подтвердила она.

– А завтра первая репетиция! – от перевозбуждения Галочкино смазливое лицо покрылось блестящей пленкой пота. – Слышала, надо взять с собой каблуки и что-нибудь удобное?

– У меня нет каблуков, ты же знаешь. Какие каблуки – с моим-то ростом. И вообще, не пойду я завтра никуда. Это же просто смешно! – Алена остановилась и удивленно, ни к кому конкретно не обращаясь, повторила: – Смешно! Ты – понятное дело, тебе сам бог велел стать королевой красоты. Но я, я-то куда прусь?

– Хочешь сказать, что никогда не мечтала быть красавицей? – прищурилась Галина.

– Нет, – честно призналась Алена, – зачем мечтать о том, чему не суждено сбыться?

– И что, тебе никогда не было завидно? Когда за другими девчонками кто-то ухаживал, когда ими кто-то восхищался, а ты всегда оставалась в стороне? Неужели не хотелось поменяться с ними местами?... И неужели тебе не обидно, когда тебя дразнят?

– Обидно. Но не вечно же это продлится, – рассудительно заметила Алена, – мама говорит, еще максимум года три потерпеть осталось.

– А потом? – насмешливо спросила Галочка.

– А потом мы станем совсем взрослыми, и всем будет не до дразнилок, – улыбнулась Алена.

– И все равно, ты должна пойти. Хотя бы ради меня.

– Ради тебя я уже сходила на кастинг.

– Думаешь, этого достаточно? – тоном избалованной любовницы поинтересовалась Галина. – И потом, что ты собираешься завтра делать? Шляться по городу, поехать в гордом одиночестве на речку или полоть морковку на даче?

Об этом Алена как-то не подумала. Полоть морковку не хотелось, так что, учитывая Галочкино отсутствие, лучшей перспективой завтрашнего дня было унылое чтение на тенистом балконе.

– Тебе же необязательно принимать участие в самом конкурсе! – Галина профессионально овладела навыками манипулирования слабохарактерной (как ей казалось) подружкой. – Можно будет в любой момент соскочить. Но на репетицию ведь можно прийти. Ну же, давай, это будет весело!

И, как всегда, Алена не устояла перед ее энергичным напором.

– Ну ладно, – с унылым вздохом согласилась она, – если уж ты настаиваешь...

А дома разразился скандал – неожиданный и экспрессивный. Алена никак не могла предположить, что ее маленькая семья – мама и бабушка – так отреагирует на невинную новость о конкурсе. Она-то просто похвастаться хотела. Алена знала, что в глубине души и бабушка, и мама горько переживают ее в некотором роде неполноценность. Она научилась относиться к этой досадливой жалости философски. Конечно, им хотелось бы, чтобы их любимая девочка была самой-самой – красивой, обворожительной, популярной. А не костлявой дылдой с неиз-

менным выражением вселенской тоски на удлинённом лице. Однажды она подслушала их кухонный ночной разговор на полутонах. И выяснила, что её папа, которого она никогда не видела, был исполинского роста. Аленина мать познакомилась с ним в студенческом лагере. Кажется, он был спортсменом, кажется, из Москвы. И вроде бы Аленина мама до последнего момента надеялась, что он заберет её и женится, иначе она непременно сделала бы аборт. Но двухметровый красавчик не хотел впускать в свою размеренную столичную жизнь беременную лимитчицу. Вот и получилась из Алёны безотцовщина. «Мало того, что всю жизнь мне искалечил, так ещё и ребёнка наградил геном роста, – шипела мама, – кому она теперь такая понадобится?!» Но это так, неважно, а главное...

– Не пушу! – басовито вопила бабушка, уперев натруженные красные кулаки в крутые бока. – А то я газет не читаю! А то я не знаю, что там творится, на конкурсах этих!

– Бабуль, но это же не совсем настоящий конкурс, – пробовала робко возразить Алёна, – подумаешь, походить по сцене в нашем ДК.

– В купальнике? – недобро прищурилась бабушка. – Да? А в зрительях небось будут извращенцы сидеть. Фу!

– Но Галя пойдет...

– С твоей Галей давно все ясно, та ещё прости господи! Только и умеет, что рожу размазывать да юбки обрезать по самое не балуйся.

– И правда, Алёнушка, – робко вторила мама, – ну куда тебе на конкурс красоты? Ты же не Софи Лорен.

Алёна не то чтобы в самом деле хотела участвовать в этом злополучном конкурсе, но все же она не так давно вышла из возраста непримиримого максимализма и все ещё по инерции любила противопоставлять себя окружающим.

– А может быть, Софи Лорен тоже дразнили в школе, – пробурчала она.

– В общем, никаких конкурсов! – категорично заявила бабушка, для большей убедительности стукнув кулаком о стол.

Бабушка у Алёны была волевая, боевая и в семейной расстановке сил привыкла брать на себя мужскую роль.

– Ну и ладно, – неожиданно легко согласилась Алёна, а сама подумала: «Ведь репетиция – это ещё не конкурс, правда же?»

На следующий день балетмейстер Зоя учила их ходить на раз-два-три.

– Раз – поднимаем колено, – хорошо поставленным голосом вещала она, – два – ставим ногу на пол. Три – отводим в сторону бедро... Так, Иванова, ты у нас кто, вокзальная шлюха или начинающая модель? Не вилай жопой, а то отвалится!.. Валеева, не задирай ноги, как конь на джигитовке! Соболева, не сутулься! Раз, два, три! Раз, два, три!

Их было двадцать пять, нескладных застенчивых девочек. Каждая уже мысленно саму себя короновала и теперь, смакуя, рассуждала о прилагающихся к титулу бонусах – внимании местной прессы, спонсорских подарках, всеобщем восхищении. Среди них было только три профессиональные модели. Они держались особнячком и немного надменно поглядывали на путающихся в длинных конечностях соперниц. Одна из них засветилась в рекламном ролике туалетного мыла, который крутили по кабельному N-скому телевидению. Другая снялась в клипе местной поп-знаменитости. Третья пока ничем особенным не отличилась, зато собиралась осенью отправиться за счастьем в Москву, что в глазах других добавляло ей баллов. Вели себя девицы как звезды, и когда Алёна рискнула попросить у одной из них зажигалку (причем она даже не курила, просто хотела хоть как-то влиться в новый коллектив), молча переглянулись и рассмеялись, как будто она сказала что-то неприличное. Алёна сконфуженно отошла и с тех пор держалась от самозванных звезд на почтительном расстоянии.

В основном все были старшеклассницами или первокурсницами. Все как на подбор высокие, худенькие, и рядом с ними Алена в первый раз в жизни не чувствовала себя изгоем, хотя и была, как водится, выше всех минимум на полголовы. Но никто и не думал дразнить ее коломенской верстой или глумливо просить достать воробушка. А одна девушка, тихое блондинистое создание в золотых лосинах, даже застенчиво призналась:

– Ах, как я тебе завидую!

– Это еще почему? – изумилась Алена.

– Ты такая высокая, у тебя больше шансов, – бесхитростно призналась будущая соперница, – ты что, не слышала, что в модельном бизнесе в первую очередь обращают внимание на рост?

– Я как-то об этом не задумывалась, – рассмеялась Алена, – какая из меня модель?

– Чудная ты, – улыбнулась блондиночка.

На репетицию пришла и та, о ком все отзывались с уважительным ужасом, к кому приклеили произносимый торжественным шепотом ярлык «московская фифа». Хозяйка модельного агентства Podium Addict Марина Аркадьевна Хитрюк. Сначала Алене показалось, что она совсем молоденькая – чуть старше самих участниц. Она была миниатюрной статуэткой с изящно блондированной копной длинных волос (глядя на произрастающую на ее хорошенькой голове роскошь, девушки притихли, и никто из них не понял, что пряди-то – нарощенные). Розовые губки бантиком, шифоновое платье интеллигентно-розового цвета, серебристые туфельки, тонкий голосок, залихватский смех-колокольчик – она вся была неземной, волшебной, словно сошедшей с журнальной странички. И только приглядевшись повнимательнее, Алена с изумлением поняла, что этой девочке-припевочке никак ни меньше сорока лет. Да и производимое Мариной Аркадьевной впечатление солнечной беззаботности оказалось обманчивым. В первый же день она уволила четверых конкурсанток – одна показалась ей похожей на Жерара Депардье, у другой был неприятный визгливый голос, третья носила очки, а снимая их, некрасиво шурилась, четвертая же была истинной красоткой, но умудрилась Марине Аркадьевне нахамить.

– Вы должны понимать, что конкурс – ваш шанс, девочки, – говорила Хитрюк, – а шанс выпадает тем, кто упорно трудится. Сами видите, незаменимых нет. Конкурс красоты – это не кастинг на журнальную обложку. Со сцены вы все смотрите примерно одинаково. За косметикой жюри и не разглядит ваших лиц. Конечно, будет каталог с вашими фото, но это все не то. Вы должны держаться как королевы. Только так есть шанс привлечь к себе внимание.

Алена покосилась на Галочку. Та раскраснелась, расправила плечи и все время приподнималась на носочки – так уж ей хотелось стать той самой избранницей, которой выпадет счастливый билет! Она все время пыталась поймать взгляд Марины Аркадьевны. А когда ей это удавалось, расплывалась в такой искренней белозубой улыбке, что Алена, глядя на это, даже морщилась от необъяснимого отвращения. Ну как можно так подлизываться?! Неужели Галя думает, что прожженная стерва Хитрюк ничего не замечает?!

Но Марина Аркадьевна и правда, похоже, была падкой на лесть. В какой-то момент она подошла к Галочке и, за плечи развернув ее к окну, восхищенно цокнула языком:

– С такими губами ты далеко пойдешь, девочка.

Галина потом долго успокоиться не могла. Все торжествующе спрашивала Алenu:

– Видела, как она на меня посмотрела?

– Видела, – уныло соглашалась та.

– И как? Как? – бесконечно допытывалась Галочка.

– Восхищенно, – Алена словно роль читала.

– Вот именно! – торжествовала Галя, и глаза ее блестели так, словно она только что залпом опустошила бутылку мартини. – Знаешь, что мне кажется?

– Что?

– Что я выиграю этот чертов конкурс! – мечтательно зажмурившись, восклицала подруга.

– Это будет справедливо, – Алена не льстила, цыганистая Галочка и правда казалась ей самой эффектной конкурсанткой.

– А как ты думаешь... Я могу стать знаменитой моделью? Такой, как Клаудиа Шиффер или Надя Ауэрманн?

– Конечно, сможешь. Ты гораздо красивее Нади Ауэрманн.

– Вот и мне так кажется, – Галина самодовольно поводила смуглым плечиком, а потом, подозрительно нахмурившись, спрашивала: – Аленка, а ты мне точно не завидуешь?

– Точно, – смеялась Алена, – я тебе сто раз говорила, что этот конкурс меня не интересует.

– И то верно, – расслабленно вздыхала Галя, – а то мне кажется, на меня все так тарачатся... Конечно, я гораздо привлекательнее их всех вместе взятых, но нельзя же демонстрировать неприязнь так открыто!

– По-моему, ты преувеличиваешь.

– Ничего подобного! Вчера какая-то дылда уронила мою пудреницу, да еще и каблуком наступила на нее, дрянь! Уверена: она это сделала нарочно, от злости. А сегодня – я случайно подслушала – одна кривоногая мымра сказала другой кривоногой мымре, что у меня большой нос. У меня! – Галина расхохоталась, но тут же на хорошеньком ее лице появилось обеспокоенное выражение. – А ты что думаешь по этому поводу? У меня ведь маленький нос, да?

– Крошечный, – смеялась Алена, – у тебя самый миленький нос из всех носов, что я когда-либо видела.

– Мне всегда казалось точно так же! – радовалась Галя. – Везет же тебе, Аленка!

– Это еще почему?

– Ты совсем не волнуешься, все тебе по барабану. Ты можешь быть расслабленной, потому что никто не воспринимает тебя всерьез.

Алена промолчала. И правда – зачем рассказывать ревливой Галочке, что «московская фифа» как-то раз остановила ее в коридоре ДК и, задумчиво глядя Алене в лицо, сказала:

– Слушай, рыженькая, а в тебе что-то есть. У тебя просто каноническое лицо, правильное. С тебя иконы бы писать. А ноги вообще сумасшедшие. Ты никогда не задумывалась о том, чтобы стать профессиональной манекенщицей?

И смущенная Алена ответила:

– Нет. Я преподавателем хочу стать. В следующем году в институт поступаю.

– А я бы на твоём месте все-таки подумала, – покачала безупречно уложенной головой Марина Аркадьевна.

Алена удивилась несказанно и, несколько раз прокрутив в голове этот диалог, решила: либо у этой Хитрюк проблемы со зрением, либо она просто решила над Аленой подшутить.

А к подобным шуткам Алена Соболева уже давно успела привыкнуть.

– И где же ты пропадаешь целыми днями? – удивлялась бабушка за ужином. – То дома сидела, не вытащить ее. А теперь с самого утра соберется, утопает куда-то, только ее и видели...

– Мы с Галочкой записались в спортклуб, – бодро соврала Алена, – на тренажерах занимаемся, мне нравится очень.

– Какие тебе тренажеры, ты и так крепыш из Бухенвальда, – ахнула мама, – вот, скушай лучше оладушек.

– Не хочу, – Алена с равнодушным видом грызла зеленое яблоко.

На самом деле от голода у нее сводило желудок. Но все остальные конкурсантки соблюдали строжайшие диеты и все время детально обсуждали добровольные гастрономические пытки. Кто-то сидел на кефире, кто-то ел только продукты зеленого цвета, кто-то, позволив

себе кусочек тортика, безотлагательно мчался в туалет, запускал два маникюренных пальчика в глотку и устраивал сеанс очищающего блевания. Алене тоже хотелось поучаствовать в разговоре, но ей было нечего сказать – она всю жизнь ела что хотела и не поправлялась ни капельки. Галочка называла ее королевой метаболизма.

Как-то незаметно для себя самой Алена втянулась в это абсурдное действо под названием «конкурс красоты местечкового масштаба». Может быть, все дело в привычном для нее амплуа изгоя – в школе и во дворе ее выдразнивали, общаться с нею означало опозорить себя в глазах общественности, а здесь никто и не думал глумиться над ее ростом, неловкостью, размером ноги? И даже наоборот, все держались так, словно высокий рост – это престижно. А кто-то – вот чудные – Алене даже завидовал.

Однажды у нее пропала помада – копеечная помада *made in china*, которую она купила в ларьке в качестве скромного доказательства собственной женственности. Сначала Алена не придавала этому инциденту никакого значения – ну пропала и шут с ней, невелика потеря. А потом одна из участниц, молчаливая волоокая Гуля, отозвала ее в сторонку и горячо прошептала:

– Алэн, я тут видела, как эти, – она кивнула в сторону троицы профессиональных моделей, – в твоей сумке рылись. Кажется, сперли что-то. Какой-то маленький тюбик.

– Неужели помаду мою? – изумилась Алена. – И зачем она им понадобилась?

– Точно, помаду! Они ее растоптали и смеялись при этом, как придурочные.

– Бред какой-то... – она даже не знала, как на это известие отреагировать.

– И ничего не бред. По-моему, они тебя ревнуют. Зойка тут сказала, что ты перспективная.

– Шутишь? – недоверчиво улыбнулась Алена. – У меня вообще в последнее время такое ощущение, словно меня поместили в сумасшедший дом...

Одна девушка сразу выделялась на общем фоне. Сначала Алена с Галей решили, что она костюмер или ассистент хореографа, – она носила как минимум сорок шестой размер и имела до того кривые ноги, словно все детство провела, кочуя на лошади по бескрайним степям. Но нет – выяснилось, что это участница. И не просто рядовая подиумная рабочая лошадка, а... будущая «Мисс N-ск»! Об этом насплетничала им все та же блондинка в золотых лосинах, которая когда-то восхищалась Лениным ростом.

– Как, вам разве не сказали? – ахнула она. – Да тут все, похоже, знают, кроме вас. Это же Анжелика, дочка нашего спонсора! Он – хозяин сети бензоколонок, он купил ей корону, ему это раз плюнуть. Этот конкурс – подарок ей на день рождения!

У Галочки вытянулось лицо.

– Как это? Зачем же тогда все это? – она обвела рукой зал, прихорашивающихся девчонок, Зою, бодро покрикивающую на всех, кто к ней обратится.

– Я тоже сначала расстроилась. Да все огорчились, а у Нинки, – она кивнула в сторону худенькой брюнетки с пышными волосами, – даже случился нервный срыв. Но Зоя решила, что лучше предупредить всех заранее. Так что можно особенно не стараться, никто не оценит.

– Но это же... ужасно! – задохнулась Галочка, и Алена на всякий случай поддержала ее за локоть, потому что вид у подруги был такой, словно она собиралась хлопнуться в обморок. – Почему же эта Хитрюк врала, что конкурс – наш шанс?!

– А что ей было говорить?... И потом, на тот момент они еще собирались играть в закрытую.

– А что, если я позвоню в местную газету? – вскинула подбородок Галя. – И расскажу им об этом произволе? Думаю, они заинтересуются.

– Может быть. Только Анжеликин папаша потом навешает тебе таких люлей, что мало не покажется. Тебе ножек своих не жалко, что ли? Хочется, чтобы их переломали?

– Но... Но зачем мы вообще тогда нужны?

– Мы – просто статисты, – спокойно улыбнулась блондиночка, – ну и что? Во-первых, нас бесплатно научат ходить. Во-вторых, сделают красивые профессиональные фотографии. В-третьих, говорят, что нам оставят вечерние платья, в которых будет финальный выход. В-четвертых, там же будут и другие призы. Приз зрительских симпатий, например. За него дают цветной телевизор.

– Но это нечестно! – воскликнула Алена, расстроившаяся за Галочку.

– А кто тебе сказал, что модельный бизнес – это честно? – философски вздохнула блондиночка.

Усыпанная дешевыми стразами корона из самоварного золота – девчонки посматривали на нее с такой жадностью, а на ее будущую обладательницу – с такой ледяной ненавистью, словно это был экспонат из Оружейной палаты.

Об истинной ценности главного приза догадывалась, похоже, только Алена. Остальным почему-то казалось, что аляповатая корона – символ иного мира, где царит счастье, красота, астраханская икра на завтрак и Джордж Клуни вместо ужина.

Самой противной была почему-то та самая дочка хозяина бензоколонок, широколицая дурнушка по имени Анжелика, которой совсем не шло столь нежное имя.

Анжелика держалась так, словно в ее активах было проживание в мраморном дворце, сватовство европейских баронов и закадычная дружба с Пэрис Хилтон. С другими она разговаривала нехотя, сквозь зубы (а зубы эти, к слову, были отвратительными – неровными пеньками торчали из десен, к тому же местами подгнивали).

С высоты своих ста восьмидесяти пяти сантиметров Алена посматривала на ее сто шестьдесят два со снисходительным интересом. Стремление человека к славе понять в принципе можно. Но зачем, думала Алена, стремиться прославить именно свою красоту, если ноги твои кривы, как N-ские переулочки, а глаза близко посажены, как у шимпанзе? Почему не стать певицей или исполнительницей характерных ролей? Зачем становиться всеобщим посмешищем?!

Риторический вопрос.

Тем временем до конкурса оставалось всего несколько дней.

– Улыбайтесь!.. Нет, не улыбайтесь! – сказал фотограф Валерий Рамкин, а сам подумал: «Вот корова желтозубая!»

Полным ходом шла съемка для каталога конкурса «Мисс N-ск». Такой каталог будет в руках у каждого члена жюри, чтобы те смогли рассмотреть конкурсанток поподробнее.

Валера Рамкин честно отрабатывал нехилый гонорар, он даже старался держаться бодренько и машинально с девушками заигрывал, но на самом деле ему хотелось плакать от разочарования. Не так он представлял себе эту командировку, совсем не так.

За последний час он успел полюбоваться на таких «красавиц», которые при желании могли без грима играть в ужастиках. Глядя на очередную претендентку на звание «Мисс N-ск», он с досадливым отвращением думал: ну что заставило ее податься в королевы красоты, ну неужели она искренне верит в возможность своего успеха?

А начиналось все так красиво...

Истинный романтик, он с энтузиазмом воспринял идею поработать штатным фотографом сибирского конкурса красоты. Воображение услужливо подбрасывало образы истинных красавиц – не облагороженных визажистами шалашовок, а настоящих полевых розочек, юных, свежих, улыбчивых, застенчивых. За годы работы в модельном бизнесе ему успела приесться

растиражированная глянцевая красота. Похожие друг на друга холеные лица, идеально гладкие подмышки, ни одной морщинки на лбу, бантикообразные пухлые губки, ни бугринки, ни царапинки – вся эта обезличенная идеальность не имела с истинной красотой ничего общего. Ухоженные, «обработанные» модели напоминали ему пластмассовых кукол – красивых, но каких-то безликих. Хотелось изюминки, легких изъянов, искренности, наконец.

И как жестоко он разочаровался!

Одна девушка напоминала солиста группы KISS, ноги другой покрывала сизая поросль жестких волос, третья картавила, у четвертой была такая расщелина между передними зубами, что ее хотелось замаскировать коронкой, у пятой – низковатый зад, у шестой – обезьяний лоб, как у «человека умелого» из иллюстрации учебника по истории.

Валера не знал, что девушек подбирали с учетом того, чтобы будущая победительница смотрелась на их фоне не слишком убого. Конечно, попадались и не совсем жуткие девушки – но все равно, их банальным кукольно раскрашенным мордашкам было далеко до класса премиум.

И вдруг...

Та девушка была похожа на эльфа.

Точеное личико в веснушках, слегка раскосые глаза цвета штормового моря, медные волосы, рост амазонки. В первый момент Рамкин даже потерял дар речи – настолько удивительным было встретить эту жемчужину среди самоварных королев. А эльфийская принцесса сибирского разлива истолковала его замешательство по-своему. Смутилась. Сконцентрировала взгляд на носочках своих немодных лакированных туфель. Ссутулилась слегка. И сказала:

– Я у вас много времени не отниму. Понимаю, что мне здесь ничего не светит. Я с подружкой пришла, за компанию. Так что давайте отщелкаемся по-быстренькому, и я пойду.

Алене казалось, что она может прочитать мысли этого милого румяного шатена с мягкими, как у рисованного амура, кудряшками и съехавшими набок очками. Ей казалось, он думал: «Ну что эта каланча о себе возомнила, неужели у ней нет ни ума, ни совести? Приперлась на конкурс красоты... людей посмешить, что ли?» Молодой фотограф смотрел на нее растерянно, опустив объектив, и ей стало обидно. Соленый туман неприятных ассоциаций (освистывание уличных хамов, бестактное глумление одноклассников) застил глаза. Этот Рамкин ничего неприятного не сказал, но... Мог бы хотя бы сохранить лицо. В конце концов она ничем не хуже тех, кого он фотографировал пятью минутами раньше. Просто габариты у нее нестандартные, вот и все.

А сам Валерий Рамкин, естественно, не мог и догадываться о комплексах рыжей небожительницы. Поэтому, когда на ее щеках вспыхнул пятнистый румянец, а в уголках глаз блеснули злые слезы, он попятился назад. Она выглядела величественной и красивой, эта волшебная девушка.

– Ладно, не больно мне и нужен этот каталог! – вздернув подбородок, она устремила к двери. Угловатая, немного неловкая.

Он едва успел ухватить ее за локоть.

– Стойте, стойте! – Рамкин потер ладонями виски. – Я просто обомлел... Не сердитесь. Видите, мелом круг нарисован? Становитесь в центр!.. Погоди, ты плачешь, что ли? – опухший кончик носа и крупная слеза, воровато проскользнувшая по щеке, делали красавицу более человечной, вот он и перешел на «ты».

– Сам не видишь? Дай уйти... Чего мне фотографироваться в таком виде? Людей смешить!

– Да нормальный у тебя вид! У меня есть грим, всегда вожу на всякий случай с собой. Сейчас умоешься, успокоишься. А я пока всех остальных отсняю, чтобы с тобой как следует поработать... Ты уж меня прости, я просто обомлел, когда тебя здесь увидел.

– Цирк уродов на конкурсе красавиц? – хмыкнула Алена.

– Что? – не понял Валера.

– Не волнуйся, я себе цену знаю. В гробу я видела этот ваш конкурс. У меня подруга есть, красивая, вот с ней за компанию и пришла. А что мне делать, последнее школьное лето. Постою на заднем плане, получу подарок от спонсора. Бесплатную заправку на бензоколонке. Правда, мне эта заправка на фиг не нужна, машины-то у меня нет, – ее голос выровнялся, поглубел.

Самой Алене ее собственный монолог казался воплощением цинизма – и это, как ни странно, ободряло. Она почувствовала себя спокойной и взрослой. Да, не красавица, так что же теперь? Зато она не питает свойственных шестнадцатилетним иллюзий. А значит, у нее есть фора, чтобы крепче на ноги встать.

Валера посмотрел в ее разгоряченное лицо, потом на ее руки, в которых она нервно теребила ручку затасканной джинсовой сумочки... и неожиданно понял все. Прочитал в глазах этой звонкоголосой девочки ее прошлое.

– Какой у тебя рост? – тихо спросил он.

– Метр восемьдесят пять, – с некоторым вызовом ответила Алена.

– Понятно, – вздохнул Рамкин, поправляя ремень «Никона», – уже лет в двенадцать ты была на голову выше своей мамы, с тринадцати тебя высмеивали сверстники, тебя не приглашали на свидания, и теперь ты чувствуешь себя лишней.

– Какая проницательность.

– Вот что, красота моя... как тебя зовут? – Рамкин сверился со списком участниц конкурса. – Соболева?

– Она самая.

– Вот что, Соболева Елена Матвеевна, – торжественно произнес он, – то, что мы встретились, – судьба!

В свои шестнадцать лет Алена Соболева не была девственницей. Обделенная первой детской любовью – всеми этими школьными шуры-мурами с провожаниями до дома и подбрасыванием шоколадок в портфель, – она разделалась со своей невинностью по-деловому, с прохладным любопытством лаборанта.

Было больно, липко, скучно, и мужчину того она так ни разу в жизни больше и не видела. Он был неместный, приехавший в Н-ск откуда-то издалека – не то журналист, не то культуролог. Взрослый – ему было слегка за сорок, но ей, четырнадцатилетней, он казался почти стариком. У него была шершавая обветренная кожа, жилистое тело, седина на висках и татуированный тарантул на лопатке. Он сам к ней подошел – кажется, спросил дорогу. Черт его знает, что он в ней нашел. Может быть, просто подумал, что секс с такой великаншей – это пикантно. Алена не сказала, сколько ей лет, да он и не спрашивал. Они выпили кофе в гостиничном ресторане, потом провели в его номере полтора часа. Увидев кровь на простыне, он понимающе ухмыльнулся: «Месячные?» Алена кивнула. На прощание он сунул в ее ладошку скомканную бумажку со своими координатами, которую она, выходя из гостиницы, выбросила, даже не взглянув.

Алена верила в любовь.

Иногда она подворовывала из маминой тумбочки тонкие книжки в карамельно-розовом переплете, на обложках которых мускулистые брюнетистые мачо обнимали полуобморочных синеглазых дев. Она читала их тайком, по ночам, забравшись с головой под одеяло и подсвечивая карманным фонариком. Там, в книжках этих, утверждалось, что любовь ни с чем перепутать нельзя, а самые верные ее признаки – легкий озноб, участившееся сердцебиение и «сладкое дрожание чресел» (почему это чресла должны дрожать, как руки алкоголика, она до конца не поняла, но так было написано в романе, честное слово).

О «сладком дрожании чресел» она почему-то вспомнила, прогуливаясь по парку с Валерой Рамкиным.

– Ты – будущая звезда, – с жаром говорил он, – Аленка, ты же сама не понимаешь свою уникальность! С ума сойти, если бы я тебя не встретил, то ты так бы и прозябала в этой глуши, да еще считалась бы уродиной!

– По-моему, ты преувеличиваешь, – улыбнулась Алена. Хотя слушать, как он ее нахваливает, было приятно. Даже если это все неправда. Даже если за этим ливнем комплиментов просматривается тривиальная мужская ловушка с буднично-эротическим подтекстом.

– Конечно, в конкурсе этом у тебя шансов нет. Ты же сама, наверное, знаешь, что все оплачено.

– Победит Анжелика, дочка спонсора, – кивнула Алена, – и ничего страшного.

– Но все равно, ты должна уехать с нами в Москву. Я тебя познакомлю с Мариной, она хозяйка модельного агентства. Она может тебя так раскрутить, что мало не покажется.

– А ей-то это зачем?

– Ты не понимаешь! – взвился Рамкин. – Потому что на тебе она миллионы заработает. Да таких, как ты, – единицы! Во всем мире! Потом вспомнишь мои слова. Ты в Москве ненадолго останешься, тебя тут же увезут в Нью-Йорк или Милан.

Алена зябко поежилась. Несмотря на то что вечер был теплым, по ее телу время от времени пробегала неприятная волна колючих мурашек. Тонкие белые волоски на руках становились дыбом, твердели соски. Что он несет, этот кудрявый нервный фотограф?! Какой Нью-Йорк, какая Москва? Может быть, вместо линз в его очки вставлены кривые зеркала, и он видит Алену другой, красивой? Или он под кайфом? Ее подруга Галочка с понимающим видом говорила ей, что в модельном бизнесе все под кайфом – правда, при этом она косилась не на Рамкина, а на хозяйку агентства Марину Аркадьевну. Алена подозревала, что Галочка испытывает к этой холеной богатой красавице необоснованную личную неприязнь.

– Валера, мне очень приятно, что ты все это говоришь... Я, правда, не понимаю, почему ты это делаешь. Может быть, тебе хочется меня утешить, а может быть, – в этом месте ее голос слегка дрогнул, – тебе интересно со мной переспать...

Рамкин обреченно вздохнул. Женское самосознание эльфийской принцессы оказалось стойкой крепостью.

– Переспать с тобой, конечно, неинтересно, – усмехнулся он, – но этого не будет. Алена, пообещай мне одно... Не упusti свой шанс. Уж я постараюсь сделать все, для того чтобы тебя пригласили в Москву. Понимаю, что у тебя здесь своя жизнь, какие-то планы... В институт, наверное, поступать собиралась?

– В Педагогический, – слабо улыбнулась она.

– Вот видишь. Родители придут в ужас, когда ты им скажешь.

– Скажу что?

– Алена, поговорим об этом после? – он слегка сжал ее руку. – Просто я хочу, чтобы ты помнила: Педагогический никуда от тебя не убежит. А вот шанса стать супермоделью, может быть, больше не представится.

Рано или поздно это должно было случиться.

Алена решила, что будет лучше, если она сама признается бабушке и маме. Два дня она не спала, пытаясь мобилизовать моральные силы, два дня нервничала, не знала, с какого бока подойти, проигрывала в голове возможные сценарии семейной потасовки (вымышленный финал всегда был разным – она то сдавалась и позволяла запереть себя дома в обществе учебников и телевизора, то гордо хлопала дверью, уходя в новую жизнь).

И вот наконец – дело было за ужином – решилась.

– Ма, ба, мне надо кое-что вам сказать, – выпалила она, глядя в еще не наполненную густой геркулесовой кашей тарелку, – не знаю, как вы к этому отнесетесь, но я все для себя

решила... Я же взрослый человек, вы сами всегда говорили... Да? – почему-то во время лаконичных репетиций перед зеркалом она держалась куда более уверенно. – В общем... я...

Мама и бабушка переглянулись, и последняя вдруг сказала:

– Угомонись. Мы все знаем.

Алена удивленно на нее уставилась.

– Знаете что?

– О тебе написали в газете, балда, – мрачно сказала бабушка.

– В... к-какой еще газете? – на нервной почве Алена начала заикаться.

С тяжелым вздохом бабушка извлекла из объемистого кармана кухонного передника скомканную газетную страничку. Алена взглянула и обомлела – центральную полосу занимала ее фотография! Это она, Алена Соболева, безмятежно улыбалась с газетных страниц! Там и подпись была – «Одна из участниц конкурса, подающая надежды шестнадцатилетняя модель Алена С.».

– И... как давно вы это прочитали?

– Больше недели уже, – вздохнула мама, – все ждали, соизволишь ли ты нам сказать или опять соврешь.

– Я не врала! – горячо запротестовала она. – Я... я пыталась выжить!

– Что-о? – грозно протянула бабушка.

Алена на всякий случай встала из-за стола и отступила на несколько шагов назад, хотя едва ли могла предположить, что семидесятилетняя старуха набросится на нее, гремя поварешками.

– Я в первый раз почувствовала себя человеком! – волнуясь, выкрикнула Алена. – Человеком, а не изгоем, над которым все смеются! Я впервые в жизни поняла, что тоже могу стать красивой! Что я и есть красивая!

– Да не ори ты, – мама досадливо поморщилась и подперла подбородок рукой, – садись давай, каша стынет. Мы приняли решение... Участвуй в своем конкурсе, если это так для тебя важно.

– Я... я правда могу? – недоверчиво переспросила она.

У мамы было такое лицо, словно она сейчас расплатится.

– Кто знает, вдруг и правда что-то из тебя получится? Вон даже в газете написано, что ты подающая надежды! Получается, весь город на тебя надеется, а мы вставляем палки в колеса.

– И все равно я категорически против, – пробурчала бабушка, – знаю я этот модельный бизнес. «Комсомолку» читаю регулярно.

Но Алена не обратила внимания на ее будничное ворчание. Она бросилась маме на шею.

– Спасибо! Я знала, с самого начала в глубине души знала, что вы меня поймете!! Это и правда мой шанс, мой большой шанс!

– Ты не понимаешь! – чуть не захлебываясь от волнения, воскликнул Рамкин. – Она же как movie star! Это не ширпотреб, не очередная подиумная давалка! Эта Соболева – штучный товар, эксклюзив. Мы будем просто идиотами, если такую упустим!

Марина Аркадьевна слушала его со скучающим лицом. Они сидели в отдельной нише самого дорогого ресторана N-ска, дизайном и атмосферой напоминающего азиатский бордель. Пили белое вино сомнительного происхождения, ели шашлык в лаваше. Марина Аркадьевна, поджав губы, теребила край шейного платка Hermes.

Марина Аркадьевна была красива от природы (пластический хирург лишь слегка подкорректировал изящную линию ее греческого носа да жир из подбородка откачал), а в тот вечер она выглядела особенно сногшибательно. И тому была естественная причина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.